

К ВОПРОСАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Л. В. Красуцких

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Исследованы вопросы уголовно-правовой оценки элементов состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Для более объективной оценки этого преступления, относящегося к имущественным, с позиции эволюции уголовного закона определено его место в структуре Особенной части УК РФ. Автор анализирует проблемы квалификации основного и квалифицированного состава преступления, его правовой конфликт и соотношение с хищениями, оценивается непоследовательность рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ. Делается вывод о месте угона как имущественного преступления в гл. 21 УК РФ.

Ключевые слова: *неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством, предмет преступления, эволюция уголовного закона, квалификация, хищения.*

Анализируя эволюцию уголовного права России, мы видим, что изначально объектом правовой защиты был человек, соответственно различали два вида преступлений: имущественные и причинение вреда жизни или здоровью. История уголовного права России в хронологической последовательности показывает, что развитие права напрямую связано с трансформацией государства, с воздействием и экономических факторов, и технического прогресса. В зависимости от этого определялся объем общественно опасных деяний, являющихся преступными.

Угон автомобилотранспорта как преступление в российском законодательстве впервые появился в УК РСФСР 1960 года, в который оно было включено в 1965 году (ст. 212.1 УК РСФСР), и до 1994 года это преступление было преступлением против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. По понятным и объективным причинам в то время угон не определялся как преступление против собственности.

Ныне действующее уголовное законодательство определяет угон имущественным преступлением и включает его в гл. 21 УК РФ как преступление против собственности. В сегодняшней действительности это преступление одно из часто являющихся предметом в дискуссии. Спор вызывает не определение законодателем данного преступления как хищения.

Как отмечалось ранее, изначально в на-

шей стране это преступление объективно не могло быть преступлением против собственности, поскольку предмет в виде автомобиля или мотоцикла был недоступен гражданам, действительно был «роскошью, а не средством передвижения», и тогда это был угон без цели хищения, так как им нельзя было распорядиться для обогащения, автомобиль нельзя было легализовать, его нельзя было продать, разобрать на запчасти, на них не было спроса. И именно это объясняло включение данного преступления в гл. 10 УК РСФСР. Механическое транспортное средство – это средство повышенной опасности, нарушение правил пользования которым создавало опасность для общества и порядка. Собственности как правовым отношениям вред причинить в тех условиях было нельзя. В период правовых реформ законодатель, почти не меняя редакцию статьи, отнес данное преступление к преступлениям против собственности, не обращая внимания на то, что ситуация с предметом данного преступления координально изменилась. В настоящее время автомобиль и иное транспортное средство – это абсолютно всем доступное имущество, являющееся распространенным предметом собственности. Не существует каких-то специальных правил оборота этого имущества. Право собственности на это имущество состоит, по общему правилу, из трех взаимосвязанных элементов: пользование, распоряжение, владение.

В рамках хищения в зависимости от спо-

соба могут нарушаться все три элемента или только некоторые из них, что не принципиально, но это же мы видим и при угоне. Все то же самое: завладение, то есть вывод из-под контроля собственника, пользование и распоряжение по своему усмотрению.

Тогда возникает вопрос: почему это не хищение, если все признаки хищения присутствуют? В доктринальной литературе, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и от 21 апреля 2009 г. № 8 отмечается главный критерий отграничения угона от хищения – это отсутствие цели хищения. Так как цель – это факультативный признак субъективной стороны, который в диспозиции ст. 166 УК РФ указан как обязательный, то правоприменителя призывают: при квалификации установить, что у виновного не было цели присвоить целиком или по частям» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»). Субъект неправомерно завладевает автомобилем, чтобы покататься или доехать куда-то, но таким образом виновный освобождает себя от материальных затрат, осознает это и желает этого, что подтверждает наличие корыстной цели. Из вышесказанного мы видим все признаки хищения, указанные законодателем в примечании 1 к ст. 158 УК РФ: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ»).

В отличие от хищений, угон автомобиля – это временное корыстное пользование чужим транспортным средством (развлечение, перевозка имущества, отработка навыков вождения и т.д.), но это в любом случае получение материальных выгод для себя и причинение материального ущерба собственнику или иному владельцу. Характер временности

пользования автомобилем как чужим имуществом не имеет значения. Некоторые ученые полагают, что использование термина «завладение» не вполне уместно, так как в буквальном смысле – это совершение действий, результатом которых является изъятие транспорта у собственника, его использование, получение реальной возможности распоряжаться по своему усмотрению. То же самое мы видим в объективной стороне хищений. Такое положение вещей порождает содержательную коллизию между преступлением, предусмотренным ст. 166 УК РФ, и хищениями. Данная конструкция не дает реальной возможности отграничить угон от хищения, более того она показывает, что угон фактически является разновидностью хищения. Единственным различием можно назвать то, что при угоне лицо ограничивается полученной материальной выгодой от пользования автомобилем, опять же и при хищении законодатель требует только одного результата – причинение материального ущерба потерпевшему. И тут нам могут возразить: материальный ущерб как последствие не включен в состав угона, кроме ч. 3 ст. 166 УК РФ, что уже формально превращает угон в хищение, а кроме того, невозможно в данном случае объяснить логику законодателя. В любом случае угон – преступление против собственности. Совершая преступление против собственности, субъект получает материальные выгоды только одним способом – причиняя материальный ущерб потерпевшему, что подтверждает и правоприменительная практика: во всех без исключения угонах потерпевшему причиняется реальный материальный ущерб. Кроме того, в ч. 3 ст. 166 УК РФ законодатель указал и наступление последствий в виде особо крупного ущерба.

Почему законодатель обратил внимание только на особо крупный ущерб – не понятно и не логично. Кроме того, способ причинения такого ущерба значения не имеет. Поскольку законодатель не указал, почему наступил ущерб, и это вызывает проблемы квалификации у правоприменителя, Верховный Суд РФ в своем Постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 рекомендовал определять ущерб из фактически понесенных владельцем расходов, связанных с ремонтом найденного автомобиля, если он поврежден во время угона, или исчислять ущерб исходя из стоимости автомобиля, если восстановление невозможно.

Более чем странная ситуация: почему степень общественной опасности угона, являющегося формальным составом, определяется стоимостью автомобиля? Недопустимо уголовному закону так явно защищать интересы богатых, игнорируя Конституцию Российской Федерации, которая гарантирует равенство защиты интересов граждан, независимо от их социального и имущественного статуса и положения, а также принципы уголовного закона – равенства и справедливости.

Кроме того, включая последствия в виде ущерба в состав преступления, законодатель не только стирает отграничение от хищений, но и создает еще одну коллизию, касающуюся совокупности со ст. 167 УК РФ. Верховный Суд РФ в вышеназванном Постановлении рекомендует квалифицировать угон по совокупности со ст. 167 УК РФ, только если в ходе угона транспортное средство было повреждено или уничтожено, в результате чего владельцу причинен значительный ущерб. Если же ущерб причинен особо крупный, тогда, разумеется, совокупности нет, так как ущерб уже включен в квалифицирующий признак, действует правило ч. 1 ст. 17 УК РФ. А как квалифицировать вышеназванные действия, причинившие владельцу крупный ущерб? Данную ситуацию Верховный Суд РФ не комментирует и ничего не рекомендует. Некоторые авторы считают возможным крупный ущерб относить к значительному. Полагаем, что нельзя частным мнением подменять закон, а именно игнорировать примечание к ст. 158 УК РФ, где прямо указаны виды хищений в зависимости от причиненного ущерба.

Много вопросов возникает при квалификации угона в совокупности с хищением. Так, рекомендовано квалифицировать угон в совокупности с хищением, если после угона лицо похищает имущество из транспортного средства, а если разукомплектовывает его в свою пользу или пользу других лиц, то деяние нужно квалифицировать только как хищение. Возникает вопрос: на сколько лицо разукомплектовывает? Есть мнение, что на столько, когда транспортное средство теряет функциональные свойства. Это очень спорное мнение. Ни одно транспортное средство не обладает функционалом, если оно не заправлено топливом. «Угонщики», как правило, бросают автомобиль, когда топливо израсходовано, то есть функционал исчерпан. Но вот если из автомашины после угона забрали запасное

колесо, сняли бампер, то есть разукомплектовали, что не лишило ее функционала, тогда в одних случаях квалифицируют как угон в совокупности с хищением, в других – только как хищение. Даная ситуация подтверждает наше суждение о том, что проблема квалификации связана с непонятным, нелогичным и необъяснимым местом данного преступления в системе преступлений против собственности.

Очень много вопросов вызывает оценка квалифицирующих признаков угона и хищений, к примеру, квалификация «насильственного» угона. Так, п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ абсолютно соотносится с п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, где квалифицирующий признак тот же – «с применением насилия, не опасного для жизни, или угрозой применения такого насилия», одинаково понимается и квалифицируется, но в данном случае недоумение вызывает санкция. Законодатель предусматривает и за угон, и за грабеж до семи лет лишения свободы, но равного наказания быть не может, так как, по мнению законодателя, степень общественной опасности угона выше. Такой вывод мы делаем, сравнивая санкции первых частей угона и грабежа: ч. 1 ст. 161 УК РФ – до четырех лет лишения свободы, ч. 1 ст. 166 УК РФ – до пяти лет лишения свободы. По нашему мнению, общественная опасность угона должна быть ниже общественной опасности хищений. При угоне имущество возвращается собственнику, виновный владеет им временно, а при хищении собственник утрачивает имущество безвозвратно. Не вызывает сомнений, что при хищении собственность как объект уголовно-правовой охраны получает сокрушимый ущерб. При угоне отношения в сфере собственности страдают временно, они сохраняются в полном объеме. Исходя из этого угон не может быть более опасным преступлением.

Далее некорректной представляется квалификация ч. 4 ст. 166 УК РФ, где предусмотрено применение насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия. Казалось бы данная ситуация очень близка к разбою, но в разбое причинение тяжкого вреда здоровью является отдельной квалификацией, что правильно. Чинение легкого вреда здоровью и даже средней тяжести вреда здоровью не соотносимо с тяжким вредом. Если при разбое применяется насилие, опасное для жизни или здоровья, и

других квалифицирующих признаков нет, то это ч. 1, где санкция предусматривает лишение свободы до восьми лет, и дополнительная квалификация по ст. 115, 112 УК РФ не требуется. При угоне, если применяется подобное насилие, Верховный Суд РФ рекомендует квалифицировать без совокупности не только преступления, предусмотренные ст. 115, 112 УК РФ, но и ст. 111 УК РФ. При этом ч. 4 ст. 162 УК РФ предусматривает 15 лет лишения свободы, а ч. 4 ст. 166 УК РФ – 12 лет лишения свободы, как в ч. 3 ст. 161 УК РФ. Нас удивляет не только не логичная позиция законодателя, но и Верховного Суда РФ в вопросах квалификации. Например, при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, где законодатель не конкретизирует последствия в ходе применения насилия, Верховный Суд РФ в Постановлении от 15 июня 2004 г. № 11 рекомендует в случае

причинения тяжкого вреда здоровью при применении насилия квалифицировать деяние по совокупности со ст. 111 УК РФ.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что имеющиеся в настоящее время концептуальные возражения связаны с тем, что угон как преступление изначально рассматривался как преступление против общественной безопасности и общественного порядка, что и объясняет повышенную в сравнении с хищениями степень общественной опасности, а перенесение его в гл. 21 УК РФ требует тщательной правовой оценки, через призму баланса между деянием и причиняемым объекту вредом.

Проблемы, связанные с квалификацией угона, по нашему мнению, снимутся, если законодатель отнесет его к хищениям. Полагаем, что из-за специфики предмета его хищение должно быть квалифицирующим признаком во всех формах хищений.

Красущих Лидия Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: krasutskih@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2021 г.

DOI: 10.14529/law210202

ON CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF MISAPPROPRIATION OF A CAR OR OTHER VEHICLE

L. V. Krasutskih

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The issues of criminal-law assessment of elements of the corpus delicti under Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation were investigated. For a more objective assessment of the named crime related to property, from the point of view of the evolution of the criminal law, its place in the structure of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation was determined. The author analyzes the problems of qualification of the main and qualified corpus delicti, its legal conflict and correlation with embezzlement, assesses the inconsistency of the recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The conclusion is made about the place of theft as a property crime in Ch. 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *misappropriation of a car or other vehicle, subject of the crime, evolution of the criminal law, qualification, embezzlement.*

Lidiya Vasylevna Krasutskih – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: krasutskih@yandex.ru.

Received 2 March 2021.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Красуцких, Л. В. К вопросам уголовно-правовой характеристики неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством / Л. В. Красуцких // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 13–17. DOI: 10.14529/law210202.

FOR CITATION

Krasutskih L. V. On criminal law characteristics of misappropriation of a car or other vehicle. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 13–17. (in Russ.) DOI: 10.14529/law210202.
